



## Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н. Михеева «Стихи Мнемозине»

[mironovacolor.org](http://mironovacolor.org) > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 2](#)

---

### IV. ЛЮБОВЬ

*Нелюбовь моя больше любви,  
Как и всё, что рождается сердцем.  
Константин Михеев*

Любовь — не эпизод в жизни Поэта,

Не требование естества, не зов плоти

Не просто тема, неизбежная в искусстве

И не исповедь, которая сама собой рвётся из души —

Но всё это вместе и ещё кое-что сверх этого.

Слово «любовь» многозначно; чувство, обозначаемое им, многогранно, изменчиво и противоречиво. Дать ему точное определение — невозможно, как невозможно определить, что такое время, пространство, жизнь, мир, движение...

Только поэт может выразить это чувство в образах, метафорах, сравнениях, в звуках речи. Константин Михеев умеет пережить множество оттенков этого чувства и передать их в своих произведениях.

Прежде всего — любовь — один из синонимов Бога.

*Бог есть любовь. Любви покорны все мы.*

Но чувство это двойственно. Оно пребывает в двух ипостасях: одна — Афродита Урания (Небесная), другая — Земная. В настоящей любви должны сочетаться две эти ипостаси.

*Любимая, ты назовёшься Словом,  
а Слово изначально — это Бог*

В то же время любимая женщина вызывает у Поэта ассоциации с чисто материальными природными явлениями, эвфемически связанными с Афродитой Земной.

*В глубине твоих глаз притаилась печаль моя, будто  
одинокая птица на сломанной ветке каштана уснула,  
будто дарит прохладу трава луговая ступне необутой,  
будто губы нагие твердят полушёпотом строчку Катулла.*

...

*Ибо есть на земле искони только страсти, подобные смерчу,  
только губы, подобные гibelи, радость, подобная смерти.*

Поэт глубоко чувствует роковую сложность чувства земной любви, неустранимость её двойственности.

*Ибо то, что связует двоих, чем нелепее и беззаконней,  
Тем больнее, мгновенней, прекрасней, страшней, тяжелей, непреложней...*

Любовь Поэта беспредельна — он уверен, что будет помнить любимую даже после смерти, в обители блаженных, потому что любовь — это счастье, которое ценнее успеха в жизни.

*Я хочу быть счастливым. А не великим.*

Нередко Афродита Земная предъявляет Поэту свои права, являясь в образе Незнакомки, встреченной на улице или в кафе. Такие приключения оставляют после себя чувство раскаяния, стыда, грехопадения. И хотя, (если верить буддистам) плоть невинна — душа страдает.

*Окаянное место и время,  
где растрачены юность и стыд...*

Однако Поэт умеет опозитизировать и сублимировать физиологический акт любви, придав ему статус священнодействия и даже подвига (Зигмунд и Зиглинда, Ависага). В то же время Константин часто ощущает некий холод в душе:

*Мы не умеем ни любить, ни плакать...  
...  
Мы никого не любили, кроме своей пустоты.*

Думаю, что Поэт здесь чрезмерно строг к себе, или не желает отличать временного охлаждения души от неспособности к глубокому чувству.

А иной раз любовь рождается от преодоления отчаяния и боли — такова парадоксальная природа этого чувства.

*Отчаясь, мы любовь куём из боли  
на наковальне мерзости земной.*

Прочитаем одно из стихотворений о любви — «Будем жить, если терпится-любится, врозь».

Что обещает Поэт своей возлюбленной?

Никчемную болтовню, несусветную чушь на прогулках в морозном парке.

Счастья не будет — улетит оно синицей из сдвоенных рук. Только в одиночку можно удержать эту синюю птицу — так убеждён Поэт.

Идти вместе одной дорогой? На это у нас не хватит ни силы, ни даже стыда.

*«И куда же влачиться? Незнамо куда».*

Даже ночью Поэт не знает счастья с любимой женщиной. Он заклинает её:

*«Так шепчи же в ночи, ни на миг не стихай,  
Проклинай, щебечи, остывай, польхай...»*

Пустоту в сердце нужно заполнять словами.

Неужели страшится Поэт обрета́ть и терять?

Увы! Он сомневается в мудрости Создателя, сотворившего человека.

Поэт ощущает себя лишь черновиком, в котором недоработаны некоторые детали — в частности, способность поделиться любовью, то есть не только хлебом и ложем, но и бедой.

Но разве можно осуждать человека за это? Таков Поэт: вся его жизнь в творчестве; всё остальное для него — маргиналии.

Вместо любви — случайные ласки, поцелуи в такси, страсть, подобная смерти. И всё же каким-то чудом у нас возникает стойкое ощущение благодати этого чувства, его солнечной природы. Оправдывается старая истина: любовь живет в сердце Поэта независимо от того — есть ли объект, на который она может быть направлена.

*Любишь кого — не знаешь,  
до колотья в груди.*

*О ужас! Я вспоминаю! Я вспоминаю!  
Шарль Бодлер*

Что было в начале? Св. Иоанн говорит: Слово.

Гёте возражает: Дело.

Книга Бытия утверждает: Небо и Земля.

Древние индусы знают точно: первочеловек Пуруша.

Но кто его сотворил, кто наделил дыханием, речью, зрением и слухом, Красотой и мощью? Создатели мифа не знают, но не чувствуют от этого неудобства. Это — мудрое незнание.

Мифотворцам Эллады снился мировой океан, из которого возникла титанида Эвринома; обвенчавшись с северным ветром, она родила Эрота — сияющего, золотого, а от него пошло всё остальное.

Нашему современнику, поэту Константину Михееву начало мира и сотворение человека представляется совсем иначе. Таинство творения совершалось «в скользкой слизи, в гноистой слюне, где копошились косные, морщинистые твари и рой суесящихся личинок, где грозные гады поднимались из гнилой жижи болота»

Эволюция завершается сотворением Адама.

Но, рожденный из болота, он торопится вновь погрязнуть в нём, совершает грехопадение и заползает на карачках в глубину норы. Круг замкнулся. Всё должно начаться с начала.

---

Отчего так упорно преследуют Поэта призраки прошлого?

Мнемозина не оставляет его в покое: стихов на исторические темы в его книгах вдвое больше, чем на все другие. Тайна чуть-чуть приоткрывается в стихотворении:

*"Годы проплыли — незрячие, зряшные,  
Пущены на самотёк".*

Душе Поэта не живётся беззаботно, он не умеет плыть по течению. Это причиняет ему душевный дискомфорт, или, говоря без обиняков — боль.

*Чем беззаботней душа-бесприданница,  
Тем неотступнее боль.*

Душа его не довольствуется песнями — она желает строить Храм поэзии на века.

*Строки в суглинок вбиваются сваями,  
Или гвоздями во крест.*

Сегодняшняя, сиюминутная жизнь — ряд мгновений, возникающих и исчезающих безвозвратно. То ли дело — прошлое, История — то, что закреплено в храмах, книгах, фресках... Текущее время неуловимо, — ведь оно течет, как река, в которую не войдешь дважды. Душе строителя Храма пристало опираться на твердь — то ли верхнюю, то ли нижнюю. Для него (строителя) реальнее Рай и Ад, Небо и Преисподняя, а миф реальнее так называемой жизни. Она своевольная, капризная, вздорная... Потому и тяготеет так непреодолимо сердце Поэта к историческим и философским сюжетам.

*Право же, милая, самое верное —  
Прямо, правдиво глядеть  
Нам как на нижнюю, так и на верхнюю  
Неколебимую твердь.*

---

Совершим небольшое путешествие, — точнее, полёт над густым лесом поэтических образов, порождённых неисчерпаемой фантазией Поэта.

Что видит он в истории человечества?

Выражаясь метафорически — это чаша, переполненная злом.

Закон непреодолим, судьба неминуема. Это общая мысль всех исторических эпизодов. Судьба всех народов повторяется: рождение, рост, расцвет, упадок, гибель. Как будто времени не существует, а есть только повторение.

*Но Иордан заставить вспять потечь  
не смогут никогда ни лук, ни меч.*

В одной старинной притче история человечества излагается ещё короче:

*Рождались — страдали — умирали.*

История города Тира

Константин Михеев глубоко переживает эпизоды истории — ведь ему дан пророческий дар: *внимать и неба содроганье, и горний ангелов полёт, и гад морских подводный ход*, а тем более слышать голоса далёких предков.

Ужасная судьба постигла город Тир за его прегрешения.

Язык пророка Исайи, возвещающего гибель Тира — это язык трагедии, отчаяния и испуга:

*Рыдайте, корабли Фарсиса, ибо [Тир] разрушен;  
Нет домов, и некому входить в дома.  
Умолкните, обитатели острова... Устыдись, Сидон;  
Когда весть дойдёт до Египта, содрогнутся они, услышав о Тире.  
Переселяйтесь в Фарсис, рыдайте, обитатели острова! (Ис.)*

Наш современник — славянин — прочувствовал трагедию Тира так, как будто был её очевидцем. Речь Константина до предела экзатична, его эмоции превосходят человеческий предел:

*Восплачьте, заглушив грозы раскат  
в проломах стен, в пустых проёмах врат  
вы, корабли, бегущие к Таришшу.*

В поэме о Тире Константин Михеев не забывает отдать дань восхищения прекрасному и богатому городу. Мы, читатели его стихов, яснее представляем себе тяжесть утраты, чем из библейского текста. В этом городе были собраны многие сокровища:

*...золото хлебов и воды,  
сапфир и яшма, Запад и Восток,  
неправый бой и рыцарственный торг,  
коленопреклоненные народы...*

За что постиг этот город Божий гнев? Поэт говорит: воители, правители, купцы возгордились своей силой и славой, забыв о Всевышнем.

*Вы воздвигали на песце дворцы,  
Воспламеняли струны и резцы,  
Чтобы в пучине сгинуть в одночасье.*

Поэт воссоздаёт в своём воображении весь ужас нежданной гибели города. В его памяти уже хранятся предания о гибели Содомы и Гоморры, Помпей и Геркуланума, он знает историю уничтожения Хатыни, Хиросимы и Нагасаки. Он чувствует, как ужасна смерть в момент высшего взлёта жизни.

*Лобзание зловещее, ожог  
Безумных губ — и гибельный прыжок  
В небытие, в объятья ночи судной.*

Но одного нет в книге Исайи — молитвы о заслуженной каре. Молодой поэт уловил своим чутким слухом также и этот голос среди стонов обреченных гибели:

*Пребуди в веках и племенах,  
в неуловимых слухом именах,  
пребуди десницей, щедрой на удары.  
...Боже правый,  
клинком, по рукоять входящим в грудь,  
и раною отверстою пребуди —  
земною болью и земною славой!*

## Трагедия Ниневии

История Ниневии, рассказанная в книге Ионы — одна из самых поучительных в Священном Писании. Господь (не в первый раз) подтвердил свою славу благого и милосердного, долготерпеливого и милостивого. «*Не до конца гневается, и не вовек негодует. Не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам*» (Пс. 102:8-10)

В глубине души Он сознавал, что грешили ниневитяне по наивности своей, а не по упрямству и злобе. Ведь они даже не умели отличить правой руки от левой...

История Ниневии не может оставить равнодушными нас, живущих на 2,5 тысячи лет позже «города великого». Если Иона не увидел осуществления своего пророчества, то другой пророк — Михей — оказался более прозорливым. А его дальний потомок (в духе) Константин Михеев создал картину гибели города в поэме «Песнь о Ниневии». Город превращается в уродливые развалины.

*Диск луны пожаром окровавлен  
Заплывают очи мутным гноем*

Развалины горят, оставшиеся люди обезумели:

*Божий меч без усталости кромсает  
Тело ненасытной Ниневии*

Город погиб.

*Огневые знаки прорицанья  
не были начертаны напрасно,  
и на месте пышной Ниневии  
вырастают стебли пустоцвета.*

Неизбежный урок: под безучастным сонным взглядом созвездий наш мир тоже подвергнется в свой час возмездию — ведь он грешен.

*Что ты шепчешь мне, душа? Терпенье?  
Ужас мира, сжатый в горсти праха,  
В жадном ожидании возмездья.*

## Новый Завет

**Галилейская ночь** — одно из многих стихотворений Константина Михеева (а, может быть, единственное в своём роде), звучащее умиротворением, покоем, отрадой и светлой печалью.

*О, в эту ночь  
смешно и сладко слышать  
журчанье вод в потоках  
плач зурны  
и влажный шёпот,  
милый и невнятный,  
и песни незнакомых птиц над нами.*

Здесь, на берегу Генисаретского озера (или моря Галилейского, как звали его в старину), ещё незримо витает Дух Сына Божия, воскресает память о первых славных делах Его на земле. Стихотворение написано свободной строкой, без рифм, в плавном убаюкивающем

ритме. Музыкальность этой речи освобождает психику от напряжения, позволяет перейти в режим отдыха и наслаждения — после испытанных ранее эмоций ужаса и катастрофы.

Всё верно — ведь в этих местах сошёл на Землю Спаситель... Но не так светла радость без налёта грусти — ведь мы знаем, чем завершилась миссия Спасителя .

*Печальна ночь,  
безрадостные губы.*

...

*Печальный хмель весны знойноволосой  
незнания, безмолвия и боли  
огня звезды, пылающей над нами*

Евангельские мотивы насыщены философскими раздумьями о жизни, природе, Божестве.

Природа беспокойна, грозна, порой враждебна человеку.

Божественное учение не даёт уверенности в истине, но напротив — внушает людям сомнение и отнимает мировой покой. Возникает брожение умов, и даже мечта о конце света.

Мир жаждет Бога. А философ — яда.

Наш мир — тесный бестиарий. Он тускл и полон опасностей.

Одна надежда — на Иисуса из Назарета. Его учение спасительно.

*В паренье слов и мыслей снежокрылых  
все наши беды выглядят смешно.*

Нужно помнить — Бог есть любовь. Любви покорны все мы.

**Евангелие от Марка** — это рассказ о том, как мучительна борьба иудаизма с Новым Заветом в душах людей. Они ещё верят в старинные приметы и обряды. И вместе с тем:

*Знаменья мы ждём от тверди горней,  
мы ждём, когда наступит Страшный день.*

...

*Сойдёт Мессия на алмазном троне  
с одеждами из огненной парчи,  
перстами снеговыми губы тронет  
и тихо скажет сердцу: замолчи...*

**Иоанн Креститель.** Видимо, исторические и библейские образы неисчерпаемы в трактовке. На рубеже XXI века поэт находит новые слова для прославления Мессии — страдальца и мученика за души человеческие.

*Море Генисаретское меньше Его слезы*

Но Спаситель не только скорбит — Он воинствует ради блага людей.

*Бог наш — огонь поядающий,  
Воинств Господь и Сил.*

Образ Предтечи, созданный Константином Михеевым, более выпуклый и экстатический, чем в Св. Писании.

*Губы разверсты раною  
страждущей ночи навстречь.*

Подвиг Иоанна Крестителя — высокий пример служения Богу — самоотверженного, бескомпромиссного, героического. Принося в жертву свою жизнь, он чувствует радость, а не страх или скорбь.

*В радостную сумятицу,  
ни жива, ни мертва,*

*траурным солнцем покатытся  
гулко моя голова.*

**Монолог Каиафы.** Этот исторический момент — суд над Спасителем — отображён в Новом Завете крайне лаконично — двумя-тремя стихами.

Драматизм момента передан в Евангелии от Матфея только одним выразительным штрихом: *«Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал:*

*— Он богохульствует!» (Мф.26:3,57)*

Каиафа втайне верил в мессианство Иисуса Христа, потому и настаивал на Его казни. Он понимал: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (то есть перешёл в новую веру).

Константин Михеев создал на основе этих кратких фраз целую поэму — драму фарисейской души, сознающей свой смертный грех — убийство невинного Человека. Он всеми силами пытается оправдать себя в глазах Всевышнего судии, опровергнуть главные постулаты учения Христа, и Константин силой своего воображения восстанавливает внутренний монолог Каиафы. Вот его аргументы:

*Иисус, подобных Тебе было много — и все они преданы небытию, мраку, забвению,  
пыли...  
Твоя речь чудна и темна, как сумрачный иероглиф. Народ Тебя не поймёт.  
Проповедь любви обманна. «Разве агнец возляжет со львом? Меч обратится в орало?  
Свет одолеет тьму? Нет! Яд напрасной надежды едок, как сок алоэ».  
Мы, человеки, многогрешны, и ничто не переделает нас:  
«грязно и кучно живём, праздно друг друга жалим,  
...лжёт человек другому (и самому себе)».*

Скоро, скоро грядет Армагеддон!

*«Свилось безумье гнездо в осиротелом рассудке.  
Крепкий в горестях Бог, имя твоё — безумье!  
О, как мы лгали Тебе! И как на тебя сердились —  
как дитя на отца!  
Истинный правитель мира не Ты, а помыслов неисповедимость».*

И в заключение — напутствие Иисусу:

*«Шествуй навстречу смерти. Шествуй навстречу славе.  
Да устилают твой путь тернии и репейник!  
...  
Боже! Твои пути яростно неотвратимы!  
Боже! Твои пути жертвенно непостижимы!»*

ТРОИКА

*Куда плывёте вы, ахейские мужи?  
Осип Мандельштам*

Вот уж более трёх тысячелетий прошло со времени событий, описанных в поэмах великого Гомера «Илиада» и «Одиссея». Сотни поколений художников, поэтов, историков, философов продолжают размышлять над перипетиями этих событий, воссоздавать в воображении, в книгах и на холстах сцены из жизни и свершений древних эллинов.

Вот и в наши дни явился певец троянской эпопеи — Константин Михеев.

Цикл его стихотворений «Тройка» в ярких красках воспроизводит картины из истории Троянской войны, портреты её героев и героинь, их громкие дела и тайные мысли.

Но Поэт не пересказывает содержание гомеровского эпоса, а, скорее, рефлектирует по поводу рассказанного Гомером. Константин Михеев перевоплощается в современника и очевидца событий, связанных с этой войной и её последствиями. Речь Поэта звучит, как искренний и правдивый рассказ, по-своему подробный и обстоятельный — в духе древнего

рапсода.

## Введение

Стихи К. Михеева можно назвать живописно-философскими. Особенность поэтики этого мастера — красочные и реалистические до осязаемости образы в сочетании с глубокими обобщающими мыслями, выраженными в краткой афористической форме.

Судьба

Думаю, что главный предмет размышлений Поэта — история и судьба людей.

Почти во всех стихотворениях «Троики» звучит одна мысль: судьбы людей (и даже богов) предопределены. До начала Троянской войны уже были даны грекам предзнаменования — смола запятнала запястья плотников, строящих корабли; всем было известно, что царица Елена приносит несчастье — черное семя раздора заложено в ней. Когда Гефест ковал щит для Ахилла, в металл проник злой дух. Это тоже не сулило добра.

Поэт ведет речь от лица отрока-юнга, наблюдающего сборы на войну.

Он понимает, что эта авантюра принесёт несчастье — греков постигнет мщение богов.

*Вышей, о Мойра, своей сокровенною нитью мой саван!*

Да и все греки знают, что произойдёт.

*Леде давно всё лебедь кровавоклювый предрёк.*

Как было предсказано, так и случилось. Почему же пророчества не остановили греков? Константин Михеев неоднократно намекает на истинную их цель: военную добычу. Эгейских мужей преследует мечта о богатствах чужих земель:

*Копи алмазные Креза и реки, как струи нектара,  
звёздная полисов россыпь на дивных берегах Ионии.  
Сколько там яств для души и для тела любого изгоя!  
Сколько там ласковых дев, быстроглазых и пёстрообутых!*

Ахилл размышляет:

*Что значит Мойра? Это изначально —  
раздел добычи, доля в грабеже.*

Но даже если воины вполне понимают возможность гибели — они успокаивают себя банальной истиной: все помирём.

*Коль отдан ты Танату — не перечь.  
Иной под небесами нету доли.*

Что же делать?

*Пускай твоя рука сожмёт до боли  
не ножницы Судьбы, а ратный меч.*

## Героизм и слава, честь и позор

Что увлекало в авантюры греческих воинов, что заставляло их забыть все мрачные пророчества? Герои Гомера (и Михеева) верны извечной мужской природе, требующей борьбы, драки, схватки. Видимо, это досталось людям от животных предков. Греческих мужей увлекает «расчетливое бешенство боя», упоение и азарт драки. Их распалает клич победы и радует сама смерть в бою, если этот бой приносит победу.

*Обезумев от грома и крика,  
заключает рыданьями грязь,  
если, выдохнув сиплое «Ника»,  
нам придется замертво пасть.*

К тому же, дорифоры осознают себя равными небожителям в бою. Это чувство опьяняет,



подобно алкоголю.

*Их доспехи дробить и коверкать  
как и наши, способен удар,  
вышибающий звёздную перхоть  
от врастающих в кудри тиар.*

Воины знают, что независимо от исхода войны, их ратные дела будут прославлены —

*...в прихоти пальцев арфиста,  
в трепете рваной струны.*

Эта надежда действительно сбылась. Возвратившись на родину, Одиссей подводит итог событиям в беседе с сыном Телемахом:

*Герои Греции! Прекрасен был ваш пыл,  
но слишком чист для эпоса. Когда бы  
и ты вот так сражался и любил,  
мой Телемах...Героев погубил  
не Посейдон, а лошади да бабы.*

*Теперь я знаю: правды нет в словах,  
да и в ногах. Накатывает море  
гекзаметры о скудных островах,  
о доблести, о славе, о позоре.*

Печальный вывод.

### **Зрительные, осязательные и музыкальные образы**

Константин Михеев от рождения одарён живописным зрением. У него — зрячая душа. Чуть ли не в каждом стихотворении есть зарисовки пейзажа, портретов, сцен битвы или труда...

Особенно красочны словесные этюды — картины на темы Троики.

Видимо, природные краски Эллады, её неба и моря, а также красота женщин, мужчин и батальных сцен вдохновляют Поэта на создание живописно-музыкальных фрагментов. Из таких картин (или даже видео-клипов) можно составить целую галерею, или кино-сериал.

Ограничимся несколькими примерами (цифрами обозначим страницы книги «Стихи Мнемозине»):

*129 — Тусклое златоузорье неба, загара, кудрей...  
129 — В звучной трагической сини...  
131 — И эгейская ночь, смуглолицая, глухонемая...  
131 — в озорной синеве, в содроганиях страстных прилива...*

*135 — Розовоперстой дланью льёт в кратёр вино  
Аврора безмятежно и торжественно...  
140 — Как бесстрастно и жадно пылают костры,  
как щетинятся шерстью гранитной ущелья...  
140 — брызжет пурпур на локоны океанид,  
Сотня радуг над морем багровым повисла.  
142 — Седых валов нахмуренные лбы  
разгладив розовеющей дланью...*

*148 — Как над смрадной клоакой немолчные полчища мух,  
надо мною сиреневой стаею кружат сирены.  
149 — Разве можно любить там, где гневом набух небосклон,  
беспощадна лазурь, горизонты чернеют от горя...  
148 — Как ужасно созвездий мерцание — кровь и коралл,  
как податливы губы крылатой беды гологрудой  
для того, кто боролся с богами, судил и карал,*

*и пресытился бледной блевотой блужданий и блуда.  
153 — И лишь прибой грохочет свой гекзаметр,  
Цезурой разрубив напополам.*

## **Философия жизни**

У Константина Михеева — мыслящее сердце. Изобразив сцену из жизни, он ищет (и находит) место этого явления и смысл его в общем течении бытия.

Поэтому его стихи изобилуют философскими размышлениями и афоризмами, подводящими итог историческим событиям Троики. Здесь речь комментатора умолкает: изречения Поэта красноречиво говорят сами за себя.

**Мир, время, человек** — *Мир слеп и слаб. Неборимо время. Как люди, одиноки острова.*

**Участь человека** — *Что может быть мучительней и слаще самим собою избранных оков?*

**Человек и боги** — *Одних бросают боги в жар соблазна, других казнят средь судорог тоски.*

*Претерпевают люди. Боги спят.  
Нас боги заставляют всякий раз  
Не забывать, что наш удел — земное*

**Жизнь** — *Жизнь — не сменное платье, пошитое впрок и на вырост, посему ожидай от неё сногшибательных каверз.*

**Жизнь и смерть** — *Больше жизни никчемной и косной пьянит смерть, лишённая цели и зримого смысла.*

**Смерть** — *Славу, похоть и мудрость забвеньем венчает Гадес.*

**Свобода** — *Смрад свободы вдыхает без радости грудью костлявой многобожец-воитель и, стыдно сказать, многоженец.*

**Любовь** — *Любовь своим беспамятством страшна.*

**Красота** — *С красоты начинается ужас.*

**Мир, время** — *Век минет, но мир не изменит.*

Думаю, что Константин Михеев занимает достойное место среди поэтов, чья Муза вдохновлялась культурой Древней Греции.

*Продолжение следует...*

Л. Миронова,  
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)